

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'23

*Я.А. Давлетова***КОНТРЕКСТ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ОЦЕНОЧНОГО МЫШЛЕНИЯ
В ПРОЦЕССЕ ПОНИМАНИЯ ИНФОРМАЦИИ
(на материале текста Библии)**

Приводится обзор теоретических исследований такого специфического свойства человеческого мышления, как его оценивающая способность в лингвистике и психолингвистике. Экспериментальное исследование посвящено выявлению и анализу феномена оценочного мышления в процессе понимания и интерпретации текстов Библии как особого типа речевых произведений, обладающих большой эмоциональной нагрузкой и воздействующим потенциалом с точки зрения психолингвистики текста.

Ключевые слова: оценка; тип текста; понимание / восприятие текста; психолингвистика текста.

В отечественной лингвистике существует традиция толкования понимания как процесса оценивания описываемых в тексте событий с привлечением культурного контекста: «уже тем самым, что я заговорил о предмете, обратил на него внимание, выделил и просто пережил его, я уже занял по отношению к нему эмоционально-волевую позицию, ценностную установку...» [1. С. 37].

Таким образом, понимание определяется как истолкование, интерпретация текста путем соотнесения его с другими текстами и культурным контекстом [2].

Современные концепции когнитивной семантики в большинстве своем постулируют, что наше мышление по своему методу и уровню знания мира является преимущественно оценочным, т.е. мыслительная деятельность в большей своей части совершается на уровне и в форме оценок [3]. Так, для человеческого сознания, помимо номинативно-классифицирующей деятельности, «столь же естественно реагировать на мир эмоционально» [4. С. 5–36]. Оценивание, согласно этой концепции, признается «важнейшей функцией сознания», а оценка определяется как одна из центральных операций сознания, своеобразная по цели, средствам и методу [5. С. 103].

История исследования сложных взаимоотношений человека с внешним миром ставит оценку в ранг одной из основополагающих категорий сознания индивида. «Оценка, – пишет Г.В. Колшанский, – содержится повсюду, где происходит какое бы то ни было соприкосновение субъекта познания с объективным миром» [6. С. 142].

Как известно, изучение феномена оценки, процессов и механизмов оценивания осуществляется в рамках самых разных подходов, существующих в гуманитарной науке: с точки зрения философии, психологии, социологии, лингвистики, психолингвистики, теории информации.

Осмысливая и оценивая явления и события окружающей действительности, реципиент формирует мысль и выражает ее посредством языковых знаков. Результаты оценочной деятельности индивида вербализуются, закрепляются определенным образом в элементах языковой системы. Именно поэтому во-

просы, связанные с оценочным отображением действительности, выдвигаются на одно из центральных мест в лингвистической науке, а их исследованию посвящены труды известных отечественных ученых, таких как Г.В. Колшанский [6], Н.Д. Арутюнова [7], Е.М. Вольф [8], В.Н. Телия [4] и др.

В лингвистических исследованиях учитываются только лингвистические аспекты процессов восприятия и понимания, средств вербальной объективации характерных свойств мышления и основных признаков мысли. Иными словами, изучению подвергаются формы выражения феноменов мнения и оценки в языке.

Проблемам оценочного мышления в связи с формами выражения оценки в языке посвящено диссертационное исследование Г.Ф. Гибатовой [9], выполненное в рамках интегративного подхода, объединяющего лингвистическую теорию семантики и психолингвистический эксперимент.

В трудах психолингвистов (Н.И. Жинкин [10], А.И. Новиков [11], А.А. Залевская [12], А.А. Леонтьев [13], В.П. Белянин [14], Н.П. Пешкова [15], И.В. Кирсанова [16]) все больше говорится о необходимости рассмотрения категории оценки в контексте личностного и языкового сознания, в плане механизмов глубинного соотношения ментальных и языковых структур. Оценка стала изучаться с опорой на тезаурус личности, формируемый на основе индивидуального опыта и выработанных в результате коллективного социального опыта представлений.

А.И. Новиков выделяет особое направление, обозначенное им как «психолингвистика текста», с позиции которой текст рассматривается как процесс речемыслительной деятельности, включенный «в более широкий коммуникативный контекст, где, кроме текста, существенную роль играет человек, порождающий и воспринимающий текст» [11. С. 203]. Согласно данной теории, в процессе познавательной деятельности, связанной с образованием смыслов, реципиент выступает как лицо активное, деятельное, следовательно, его деятельность не может не сопровождаться эмоциональным и оценивающим восприятием действительности.

Новизна нашего исследования заключается в выявлении и анализе феномена оценочного мышления, про-

являющегося в процессе понимания и интерпретации текстов Библии как особого типа речевых произведений именно с точки зрения психолингвистики текста.

В самом начале исследования перед нами стояла задача выбора такого типа текста, который позволил бы наиболее полно и четко проследить механизмы проявления оценочного мышления в процессе его восприятия и понимания. Мы предположили, что таковым является религиозный текст.

Для решения поставленных задач необходимо провести экспериментальное исследование в русле психолингвистики, которое может позволить выявить и описать механизмы доминирования эмоционально-оценочного мышления в процессе понимания информации, содержащейся в библейском тексте.

Известно, что помимо непосредственно богослужения к текстам Библии обращаются и в процессе получения образования, и в практической жизни, и в творчестве. Ее влияние на такие жизненно важные общественные институты, как право и политика также не подвергается сомнению.

В Библии, как известно, заложена огромная воспитательная функция, библейские сюжеты формируют поведение, вырабатывают определенные законы, по которым строятся взаимоотношения людей. Именно поэтому к Библии обращаются не только при богослужении в храме и не только с целью религиозного образования и воспитания, но и для решения гуманистических задач светского воспитания и образования, в практической жизни, в художественном творчестве, в политике, праве.

По словам Д.С. Лихачева, Библия является генетическим кодом культуры, определяющим на протяжении столетий многие ее черты, сам образ жизни и стиль мышления людей, кодом, который передавался от поколения к поколению [17]. Ее содержание отражает все стороны человеческого бытия.

Итак, актуальность нашего исследования обусловлена теми возможностями, которые дает нам библейский текст в связи с его большой эмоциональной нагрузкой и заложенным в нем воздействующим потенциалом. Все это обеспечивает возможность изучения проявления разных форм оценочного мышления реципиентов, а также механизмов воздействия на сознание личности информации в форме подобного типа текстов.

В своем исследовании мы опираемся на гипотезу А.И. Новикова об активной роли реципиента, рассматривающую понимание как мыслительный процесс, отражающий продуктивную аналитическую и синтетическую деятельность сознания, в ходе которой происходит построение так называемого встречного текста [11], или, по терминологии Н.И. Жинкина, контртекста [10. С. 203].

В процессе анализа данных, полученных в ходе нашего эксперимента, мы также использовали методику исследования, разработанную А.И. Новиковым [11] и дополненную исследованиями Н.П. Пешковой [15] и И.В. Кирсановой [16]. В упомянутых работах было выявлено и описано 17 видов реакций, составляющих «встречный текст» реципиента, среди которых выделяют содержательные и релятивные.

В качестве испытуемых в эксперименте участвовали 140 студентов физического, математического и химического факультетов Башкирского государственного университета.

Испытуемым было предложено прочитать библейский текст, а именно отрывок о грехопадении людей [18]. Текст предъявлялся в письменном виде. В соответствии с методикой все предложения в нем были пронумерованы. Ответы испытуемых фиксировались в письменном виде.

Следует кратко охарактеризовать участников нашего эксперимента. Как мы уже упомянули, в эксперименте принимали участие студенты естественнонаучных факультетов в возрасте 18–20 лет. Восприятие такого рода информации и работа с достаточно сложным языковым материалом для данной аудитории, как правило, непривычны. В связи с этим мы сочли целесообразным несколько упростить формулировки задач (по сравнению с оригинальной методикой).

Задание было следующим:

«Прочитайте текст и сконструируйте свой “контртекст”. Контртекст – это все то, что возникает в Вашем сознании как результат понимания очередного предложения. Он включает в себя не только то, что прямо сказано, но и то, что подразумевается, дано в неявной форме, в том числе различного рода ассоциации. Составляйте “контртекст” на каждое очередное предложение, не читая последующие. В практическом плане для выполнения Вами задания следует осуществить следующие действия:

1. На отдельном листе бумаги записать номер очередного предложения.
2. Под этим номером записать информацию, касающуюся интерпретации данного предложения.
3. После составления “контртекста” сформулируйте общий смысл прочитанного Вами текста».

Как уже отмечалось, ответы испытуемых фиксировались в письменном виде. В каждом ответе содержится номер предложения исходного текста, выступающего в качестве стимула, а затем непосредственно высказывание испытуемого о воспринимаемом предложении, которое и является реакцией на данный стимул. Группа реакций на предложенный текст составляет индивидуальный контртекст данного испытуемого.

На предложенный испытуемым текст, состоящий из 13 предложений, было получено 140 «встречных текстов», включающих 23 660 реакций.

Процедура анализа данных предполагает сведение всех реакций в так называемые поля (по терминологии А.Н. Новикова) [11. С. 207]. С этой целью под каждым предложением исходного текста записываются все реакции испытуемых на это предложение. Они образуют «поле реакций» [Там же], количество которых равно количеству предложений в представленном тексте.

В качестве примера приведем реакции испытуемых на предложение № 11.

(11) Люди поддались искушению дьявола, нарушили заповедь или волю Божью – согрешили, пали в грех.

1. К зачету по этике нужно будет выучить все заповеди.

2. *Искушению дьявола? По идее его искушению поддалась только Ева, остальные последовали за ней. Может, она их тоже обманула: не сказала с какого дерева плоды? Это вранье во благо. Так она может считать. И вот так мы и живем и по сей день... стадный образ жизни. Куда одна овца – туда и остальные. Я ее не осуждаю.*

3. *Грех – это непослушание (так по контексту получается). Они пошли против установленных Богом законов.*

4. *Все люди – грешные. Идеальных в природе не существует.*

5. *Податливость. Грехопадение. Безбожие. Атеизм. Библия. История жизни иудеев и Моисея. Ад. Мрачный мир. Отсутствие света, духовности.*

6. *Люди ослушались Бога и, следовательно, совершили грех. В нашей жизни конечно нет такого дерева и плодов. Но есть определенные заповеди, моральные устои. Нельзя убивать, воровать, врать и прелюбодействовать.*

7. *Добро пожаловать в реальность.*

8. *После совершения греха и ошибок, только тогда понимаешь, что поступил неправильно. И они пали в грех, осознали все.*

9. *Своя голова на плечах должна быть.*

10. *У них был выбор: божья заповедь или сладостные обещания змия. Случилось то, что должно было случиться.*

11. *Согрешили. Темное небо, гнев Бога.*

12. *Грех – это плохо. Но в жизни люди совершают больше греха, чем добро.*

Обратимся к результатам анализа экспериментальных данных. Просчитав процентное соотношение полученных реакций, мы выявили значительное преобладание релятивных реакций над содержательными: 73,2% и 26,8% соответственно.

Ниже мы приводим таблицу, в которой виды реакций располагаются в порядке убывания их частотности.

Вид реакции	%
Оценка	25,6
Мнение	15,1
Свободный ответ	8
Ориентировка	7,8
Констатация	7,3
Комплективная	7,1
Вывод	4,5
Генерализация	4,2
Визуализация	3,9
«Перевод»	3,7
Перефразирование	3,1
Ассоциация	2,6
Инфиксация	2,3
Предположение	2,1
«Интертекст»	1,8
Прогноз	0,9

Итак, очевидно, что первое место по частотности среди прочих занимает реакция, связанная с оценкой сказанного в предложении (25,6% от общего количества реакций). Например, на предложение «Но дьявол начал лгать, чтобы соблазнить Еву» [19] были получены следующие эмоционально-оценочные реакции: *Какой коварный дьявол (и. Р.); Дьявол в этой ситуации*

является очень целеустремленным персонажем (и. О.); Изворотливый змий (и. Т.); Какой злой дьявол! (и. Ш.); Очень лживый дьявол (и. В.).

На рис. 1 показано процентное соотношение реакции «оценка» по сравнению с другими типами реакций, которое позволяет наглядно проследить доминирование данного типа реакции.

Рис. 1

Помимо этого, в результате анализа было установлено, что реакция, выражающая личное отношение реципиента к тексту и включающая эмоциональный компонент, также присутствует среди пяти наиболее частотных реакций. Так, на то же самое предложение были получены следующие реакции оценочного мнения: *Не думаю, что ложью людям можно доказать свою правоту (и. М.); Не люблю лгунов (и. Т.).*

Таким образом, реакции «оценка» и «мнение» являются наиболее частотными, составляя в сумме 40,7% от общего числа. Рис. 2 показывает процентное соотношение реакций «мнение» и «оценка» по сравнению с другими типами реакций.

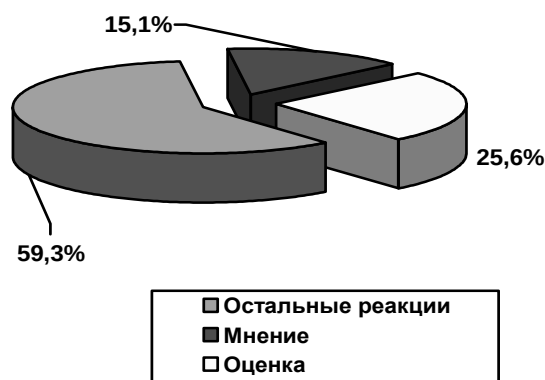

Рис. 2

На наш взгляд, полученные данные свидетельствуют о том, что доминирующую роль в формировании смысла поступающей реципиенту текстовой информации играют эмоции, структурируя выбор средств для их реализации в форме оценок, мнений, оценочных мнений. В процессе восприятия и понимания реципиент почти всегда, в явной или завуалированной форме, выражает свое оценочное мнение о представленной в конкретном тексте информации.

При сравнении наших результатов с данными И.В. Кирсановой, полученными в ходе подобного эксперимента по восприятию научно-популярного текста [16], а также с данными А.И. Новикова по пониманию художественного и научного произведений [11] нами было обнаружено, что в первом случае (в процессе понимания научно-популярного текста) реакция оценки занимает второе место по частотности, составляя 16,1% от общего числа реакций; во втором случае (при восприятии художественного произведения) «оценка» также находится на второй позиции, составляя 14,8%, и, наконец, 19,3% реакции оценки приходится на понимание научного текста.

В результате проведенного нами экспериментально-го исследования можно сделать выводы общего и частного характера.

К выводам общего характера относятся следующие. Прежде всего, в контексте полученных данных, как нам представляется, находит подтверждение гипотеза о том, что оценка как специфическое свойство человеческого мышления (оценивающая способность) является не просто одним из важнейших компонентов в структуре отражающей деятельности сознания, но есть его основополагающая категория. Огромную роль, как показывают наши данные, при этом играет эмоциональная оценка.

Кроме того, результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что, с одной стороны, категория

оценки, выявляемая путем вербализации, делает необходимым обращение к лексикализированным в языке явлениям, которые отражают акт ментальной интерпретации и оценочной квалификации индивидом фрагментов объективного мира. С другой стороны, эти языковые структуры являются важным источником сведений о сознании и подсознании индивида, представляя собой значительные фрагменты его личностного опыта. Таким образом, на наш взгляд, возникает принципиальная необходимость интегративного подхода, включающего как методы собственно лингвистического анализа семантики языковых единиц, так и методы психолингвистических процедур.

К выводам частного характера можно отнести тот факт, что сравнительные (по четырем типам текстов) данные наглядно подтверждают наше первоначальное предположение о том, что оценочное мышление наиболее явно проявляется при восприятии и понимании такого типа текста, как Библия. Именно такой тип речевого произведения, являясь, по мнению В.И. Карасика, важным и необходимым актом коммуникации, «позволяет вскрыть глубинные характеристики как языка, так и религии» [19. С. 221–230] и, можно добавить, помогает выявить особенности языкового сознания личности, поскольку дает необходимый эмоциональный стимул для выражения реципиентом своего субъективного отношения к действительности в форме оценки, преимущественно эмоционального характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. М., 1979.
3. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 277 с.
4. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая организация. М. : Наука, 1991.
5. Колесов Д.В. Оценка (психология и прагматика оценки). М. : Изд-во Моск. психолого-социального ин-та, 2006.
6. Колианский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М. : Наука, 1975.
7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
8. Вольф Е.М. Метафора в языке и тексте. М. : Наука, 1988. С. 52–65.
9. Гибаева Г.Ф. Ментальные сферы русского языка: мнение и оценка: дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2011.
10. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М. : Наука, 1982. 158 с.
11. Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты / под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. М. : Ин-т языкознания РАН, 2007. С. 203–207.
12. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М. : Российский гос. гуманитар. ун-т, 1999. 382 с.
13. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М. : Смысл, 2005. 288 с.
14. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе. М., 2000.
15. Пешкова Н.П. Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода / Н.П. Пешкова, А.А. Авакян, И.В. Кирсанова, И.Н. Рыбка. Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. 268 с.
16. Кирсанова И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Уфа : БашГУ, 2007. 21 с.
17. Лихачёв Д.С. Первые семьсот лет русской литературы // Избранные работы. СПб. : Худ. лит., 1987. Т. 2.
18. Закон Божий (для семьи и школы). N.Y., 1987. 723 с.
19. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. С. 221–230.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 апреля 2012 г.